

ся казахского просветителя Ч. Валиханова (Т. 1–5. Алма-Ата, 1961–72).

В 1956 Н. приступила к написанию своего главного произведения — мемуарной повести «**Передай дальше**» (первоначальное заглавие «Так было») о созданном ею во время вторичного заключения самодеятельном лагерном театре. Сценическое действие было единственной возможностью заключенных обрести на некоторое время духовное раскрепощение; многим это помогло выжить. Согласно условиям, поставленным лагерной администрацией, пьесы для театра Н. писала сама, причем они должны быть «без идеологического содержания» — в качестве исходного сюжетного материала Н. использовала сообщения из советских газ., прошедших лагерную цензуру. Прочитанная в рукописи повесть Н. заслужила лестные отзывы К. Г. Паустовского, Вс. Иванова, М. Слонимского, Н. С. Тихонова, однако отсутствие возможности опубликовать ее в СССР (против издания за рубежом Н. категорически возражала) побудило Н. в 1965 прекратить работу над ее окончательной отделкой. Рукопись повести была в 1972 передана Н. А. Л. Жовтису, опубликовавшему ее в эпоху т. н. гласности (Простор. 1986. № 10). Замолчанная в Казахстане местной критикой, повесть Н. сразу же стала событием в лит. жизни СССР; о ней, как о замечательном произведении — в ряду тех, которые «породили не только большие разговоры, но и своеобразный всплеск социальной активности» — упомянул в апр. 1987 в своем докладе на пленуме правления СП СССР его председатель В. В. Карпов. Благодаря тому, что в повести Н. герои были выведены под своими собственными именами, некоторые люди узнали о судьбе своих родных.

«Все произведения Н. автобиографичны или основаны на фактическом материале, субъективно воспринятом и переосмысленном. В то же время — это не просто воспоминания, а как правило, сюжетно завершенные, стилистически отточенные и всегда эмоционально насыщенные картины живой жизни» (Жовтис А. 1987. С. 132). Излюбленным жанром Н. был рассказ; большинство их обращено в прошлое — то, в чем современники видели лишь анекдотический случай, в изложении Н. приобретает характер неизбежного сцепления событий во всех его странностях и несообразности (см., например, рассказ «**Да будет воля моя!**» об истории находки записок матери К. Ф. Рылеева в тайнике, находившемся в доме известного консервативного публициста Е. В. Богдановича). Проза Н. на-

писана ясным и чистым языком; ее отличает исключительная точность в передаче деталей. Все написанное Н. отмечено высочайшим тактом, обусловленным стремлением автора объяснить, прежде всего — самой себе, действия описываемых ею лиц, в том числе и направленные против нее. Рассказ «**Геленджик**» об истории поиска лермонтовских материалов в местном краеведческом музее получил восторженную оценку И. Л. Андроникова.

Несмотря на известность в лит. кругах Ленинграда и Москвы, куда Н. почти ежегодно приезжала во время отпуска, ее проза издавалась лишь в Алма-Ате, где в ней видели одного из самых деятельных участников казахско-русского лит. сближения. Посмертно подготовленный к печати в начале 1980-х сб. «Избранного» Н. света не увидел, несмотря на ряд положительных рецензий. Полный текст повести, а также ряд впервые (за единственным исключением) публикуемых рассказов Н. составили однотомник с предисл. С. Юрского и послесл. А. Жовтиса, изданный в Алма-Ате в 1989. Этим изданием до настоящего времени ограничиваются публикации творческого наследия Н., которое без преувеличения можно отнести к лучшим образцам русской прозы послевоенного времени.

Соч.: Листки воспоминаний // Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1972. С. 159–168; О ритме художественной прозы // Вопр. лит.-ры. 1973. № 7. С. 121–126; Неписанные истории. Алма-Ата, 1963; Пропавшие письма. Алма-Ата, 1968; 1976; Передай дальше! Рассказы, повесть / сост., послесл. А. Л. Жовтиса. Алма-Ата, 1989.

Лит.: Ровенский Н. С. Талант и провинциальность. Алма-Ата, 1967. С. 61–66; Анов Н. Анна Борисовна Никольская // Простор. 1969. № 12. С. 64–67; Устинов А. А. Точка опоры. Алма-Ата, 1982. С. 385–388; Жовтис А. Л. Передано людям // Простор. 1987. № 10. С. 127–133; Иванова Н. Б. Точка опоры: О прозе последних лет. М., 1988. С. 386–389; Жовтис А. Л. Непридуманные анекдоты. М., 1995.

М. П. Лепехин

НИКОЛЬСКИЙ Борис Владимирович [3(15). 10.1870, Петербург — 11.6.1919, Петроград] — поэт, переводчик, публицист.

Потомственный дворянин. Внук священника; сын профессора русской словесности С.-Петербургской Духовной академии и Александровского лицея В. В. Никольского (1837–83) — известного пушкиниста, создателя Пушкинского музея в Александровском лицее, видного музыкального критика, близ-

кого М. И. Глинке и кружку М. В. Балакирева. Получив дома основательную подготовку в области истории русской словесности, а также хорошее знание латинского и французского яз., в 1881 Н. поступил в гимназию Историко-филол. ин-та, откуда в 1884 перешел в Училище правоведения. Он «уже в 16 лет поражал своею начитанностью в области философии и словесности... превосходно знал иностранные языки — немецкий и французский, понимал итальянский и, классик по духу, так хорошо изучил латинский и греческий, что совершенно свободно говорил и писал по-латыни. <...> Памятью Б. В. обладал поразительною, <...> был необычайно веселого нрава и жизнерадостен, в большой степени ему был присущ юмор» (Самойлович А.— С. 43–44, 48). Последняя черта переросла в демонстративное свободомыслие, нетерпимое в закрытом привилегированном учебном заведении, готовившем высшую бюрократическую элиту России, и, несмотря на блестящие успехи (особенно в области римского права), Н. был вынужден в 1889, за полтора года до окончания полного курса Училища правоведения, перейти на юридический ф-т С.-Петербургского ун-та, который окончил в 1893. В 1893–96 служил в страховом отделе хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. За резкую критику на страницах «Нового времени» страховой политики правительства был вынужден подать в отставку под предлогом подготовки к науч. деятельности. Числился при Азиатском департаменте Министерства иностр. дел. В 1899–1903 преподавал в Александровской военно-юридической академии; с 1903 занимался юридической деятельностью в качестве частного поверенного и присяжного стряпчего Петербургского коммерческого суда.

К началу XX в. Н. пользовался известностью как публицист, как поэт, как историк лит-ры и как один из лучших ораторов. Стихи Н. писал с юношеских лет; первая публикация (под инициалами Б. В. Н.) — в сб. «Стихотворения» (СПб., 1889. С. 62–86). У Н. с юности была органическая потребность объединять вокруг себя немногочисленный кружок единомышленников, для которых у него с 1893 устраивались «вторники»; ближайшими друзьями Н. были Г. В. Чичерин (будущий народный комиссар иностр. дел), А. Ф. Мейендорф (будущий товарищ председателя Гос. думы), И. И. Тхоржевский (будущий управляющий делами Совета министров), художник И. Я. Билибин и историк театра Н. В. Дризен. Деятельный сотрудник «Но-

вого времени» и «Исторического вестника», Н. пользовался безоговорочным уважением как в кругу «авторов Эртелева переуллка», так и в ближайшем окружении А. С. Суворина. В 1897 он женился на дочери С. Н. Шубинского, которой посвятил «Собрание стихотворений» (1899). Отбор произведений в этот сб. был произведен Н., по-видимому, с расчетом на получение Пушкинской премии. Однако этого не произошло: рецензент А. А. Голенищев-Кутузов решительно отклонил сб., заподозрив Н. в декадентстве. Самому же Н. декадентство (в трактовке которого он вполне был солидарен со своим критиком) представлялось не меньшим злом, чем либерализм.

Н. принадлежал к числу крупнейших специалистов по истории римского права. После защиты магистерской диссертации «Система и текст XII таблиц» (СПб., 1897) в качестве приват-доцента читал на юридическом ф-те Петербургского ун-та спецкурсы по отд. вопросам римского и гражданского (семейное и наследственное) права. В 1900 Н. был зачислен также приват-доцентом и на историко-филол. ф-т С.-Петербургского ун-та, где читал ряд спецкурсов о лирике Пушкина, Фета и о новейших течениях в русской поэзии.

Предмет особых забот Н. составляли «друзья чистой поэзии» из студенческой среды. В начале века «его гостеприимный кабинет на Екатерингофском проспекте по средам видел почти всю студенческую пишущую братию» (С. В. фон Штейн, Л. Д. Семенов-Тянь-Шанский, В. Л. Поляков, А. А. Кондратьев и др.). В 1903 вышел в свет «Литературно-художественный сборник: Стихотворения студентов Императорского Санкт-Петербургского университета под редакцией Б. В. Никольского с иллюстрациями студентов Императорской Академии художеств под редакцией И. Е. Репина» (СПб.). В нем приняло участие 34 поэта и 25 художников. В истории русской лит-ры сб. памятен как место лит. дебюта А. А. Блока, представившего Н. 12 своих стих., из которых Н. взял 3, подвергнув их, с согласия Блока, своей редакторской правке.

По инициативе Н. в 1903 при С.-Петербургском ун-те был создан «Кружок изящной словесности», состоявший из студентов, тяготеющих к «академизму», т. е. отдалению от политических движений в студенческой среде; отказ от политики в пользу эстетики был одной из доминантных идей Н. В 1906 по требованию либерально настроенного студенчества Н. был вынужден покинуть ун-т из-за своих правых взглядов и кружок распался.

«Добродушнейший из людей» (Самойлович А.— С. 6), Н. был непримирим к своим

идейным противникам и пользовался репутацией искусного ратора, будь то дружеская беседа или публичное выступление. «Отменный оратор, к тому же широкообразованный, умевший к стати приводить ссылки и цитаты из самых разнообразных источников, то из классиков, то из любого философа, то из Корана или французского поэта-модерниста, Б. В. говорил много и подолгу, всегда убежденно и убедительно; если с ним не соглашались, спорил, но никого не перебивал и всякого выслушивал» (Самойлович А.— С. 57). «Это был изумительный собеседник, обладавший способностью в совершенстве подражать голосу и манерам кого угодно. Изображая в лицах людей умерших, он словно воскрешал их. По точности, с которой он представлял живых известных мне современников, я мог судить о сходстве в его передаче мертвых Майкова, Полонского, Стрехова, Победоносцева и Вл. Соловьева» (Садовский Б. А. Записки // Встречи с прошлым. М., 1988. Вып. 6. С. 129). Н. был знаком с А. А. Фетом, доверившим ему часть своего архива; Н. был редактором собр. его сочинений (1901).

В 1890-е Н. был секретарем Е. В. Богдановича, салон которого служил излюбленным местом встреч высокопоставленных лиц правых взглядов. С 1901 Н. был деятельным участником «Русского собрания», в 1903 был избран членом его совета. Произнесенная им 31 дек. 1905 в Александрии «Всепоподданнейшая речь в Высочайшем присутствии при приеме депутатов Русского собрания» (Харьков, 1906) обратила на него внимание императора Николая II, которому Н. адресовал призыв немедленно прекратить бесславную войну и исполнить свой долг по отношению к народу: «России грозит опасность не только иноплеменных нашествий и порабощений зарубежному лихоимству, но и внутреннее междоусобное распадение, а Вашему Царствующему Дому не только мятеж с его кровавым знаменем, но и великий раскол с народом»; речь Н. вплоть до 1916 неоднократно перепечатывалась в правых изданиях. В 1905 Н. был одним из основателей Союза русского народа, однако активного участия в его деятельности после 1912 не принимал.

Разочаровавшись в личности Николая II (из-за деятельности Г. Е. Распутина), к 1913 Н. почти полностью отошел от политической деятельности, всецело посвятив себя работе над дис. и составлению свода переводов Катулла. С 1907 по 1912 Н. читал курсы истории русской словесности и римского права детям великого князя Константина Константиновича (К.Р.) — Олегу и Игорю; первому он привил та-

кую любовь к Пушкину, что юный князь оставил по себе высокопрофессиональные исследования в области пушкинистики; о своем ученике, героически погибшем в первые месяцы войны, Н. оставил воспоминания (**Князь Олег. Пг., 1915; Его императорское высочество князь Олег Константинович // Исторический вестник. 1914. № 11).**

В 1907–17 Н. читал в Училище правоведения курсы римского права и русской литературы. В 1913–17 Н. исполнял должность ординарного профессора по кафедре римского права в Юрьевском ун-те. Докторская диссертация «К истории дарений между супругами» (Юрьев, 1915) была отклонена юридическим ф-том С.-Петербургского ун-та из-за одиозности репутации Н.

Февральская революция поставила перед Н. вопрос о необходимости подведения итогов 47-летней жизни: он «от всего отстранился», заканчивает свод переводов Катулла и обширное исследование о Пушкине (судьба их неизвестна), а также итоговый сб. своих стихов (Пг., 1918. Машинопись, РНБ). С юности до 1918 Н. вел дневник, крайне нелицеприятный к большинству политических деятелей (ГАРФ).

Преподавание в Юрьеве служит источником существования, а лекции Н. становятся заметным событием в интеллектуальной жизни города. Эвакуация Юрьевского ун-та в Воронеж лишила Н. и этого заработка, и он пытался продать свою огромную и тщательно подобранную библиотеку (около 60 000 томов) в какой-либо российский ун-т с тем, чтобы остаться при ней хранителем.

Октябрьский переворот Н. воспринял как закономерное следствие Февральской революции: «О событиях ничего не пишу: противно о них и думать-то. <...> Желаю Вам здоровья и душевного спокойствия. И то и другое не только дороже, но и ценнее всего, даже хлеба, сахара и сапог» (Письмо от 10 дек. 1917 Б. А. Садовскому). Н. не был склонен ни скрывать свои взгляды, ни становиться на путь индивидуальной борьбы с большевиками: «Мой принципиальный монархизм и патриотизм всем известны, и ни одна душа в мире не предполагает, чтобы я хоть на йоту в них колебался и хоть йоту в них поступился. Я думаю даже, что теперь и самый иступленный большевик начинает признавать не только правизну, но и правоту моих убеждений» (ему же от 20 дек. 1917). «...С советским режимом я мирюсь откровенней, искренней и полнее, чем с каким бы то ни было другим, не говоря уже о Распутинско-Штюрмеровски-Протопоповском... Худого лично мне и моей

семье большевики ничего не сделали, а доброго и хорошего много. Враги у нас общие — эсеры, кадеты и до октябристов включительно. <...> Делать то, что они (т. е. большевики.— М. Л.) делают, я по совести не могу и не стану: сотрудником их я не был и не буду, но я не иду и не пойду против них: они исполнители воли Божией и правят Россией если не с Божьей милостью, то Божиим гневом и попущением» (Письмо ему же от 28 окт. 1918).

В 1918–19 занимал ряд второстепенных должностей в военно-инженерных учреждениях Петрограда и Всеобуче. В июне 1919 живший вместе с семьей в совершенной нищете Н. был арестован. «Недавно расстреляли профессора Б. Никольского. Имущество его и великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Остались — дочь 18 лет и сын 17-ти» (Гиппиус З. Н. Петербургский дневник. 1914–1919 // Гиппиус З. Н. Живые лица. Тбилиси, 1991. Т. 1. С. 187–188).

Соч.: Дневник // Красный архив. 1935. № 1.

Лит.: Б. В. Никольский [некролог] // Вестник лит-ры. 1919. № 6. С. 12–13; Самойлович А. В. Пушкинист Б. В. Никольский (по личным воспоминаниям) // Парфенон: сб. первый. Пг., 1922. С. 40–60; Союз русского народа. М.; Л. 1929; Беззубов В. И., Исаков С. Г. Блок — участник студенческого сборника // Блоковский сб. Тарту. 1972. Вып. 2. С. 325–332; Иванова Е. В. Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. № 2. С. 198–212; Монархист и Советы: Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому: 1913–1918 / публ. С. В. Шумихина // Звенья. Исторический альм. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 340–377; Политические партии России: Конец XIX — первая половина XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 397 (Ю. Кирьянов); Шевцев А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997; Правые партии: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1; Грин Ц. И., Третьяк А. М. Б. В. Никольский (1870–1919): Судьба ученого, книжника на изломе истории // Публичная библиотека: люди, книги, жизнь: Сб. статей. СПб., 1998. С. 46–57; Иванова Е. В., Шумихин С. В. Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 321–323; Степанов А. Свята Русь: Большая энциклопедия русского народа. Т. [31] Русский патриотизм. М., 2003. С. 495–497.

М. П. Лепехин

НИКОНОВ Николай Григорьевич [10.12.1930, Свердловск — 11.6.2003, Екатеринбург] — прозаик, публицист.

Родился в семье служащих. В 1951 окончил историко-филологич. ф-т Свердловского гос. педагогического ин-та, преподавал историю и обществоведение в школе до 1969. Печата-

ется с 1955. Член СП СССР с 1958. В 1970–80-х Н. — заместитель председателя правления Свердловской писательской организации, член редколлегии ж. «Уральский следопыт», главный редактор серии «Уральская библиотека», член Центральной ревизионной комиссии СП СССР, секретарь правления СП РСФСР. Награжден орденом Дружбы народов (1980).

Н. начал с жанров миниатюрного рассказа и авторской сказки для детей. «Тетрадные» книжечки «Березовый листок», «О птицах», «Сказки про лесных жителей» выходят в Свердловске в 1955, 1956, 1959. Погруженность в мир природы сохраняется в книге новелл «Лесные дни» (1962), в объемном сб. «Листья» (1964), в познавательно-худож. очерках «Певчие птицы» (1968). В 1960 Н. находит собственное эстетическое решение темы малой родины: это «настоящий» уральский лес, в котором есть таинственная «глухомань», жутковатая «лешачья грива»; пригородный торфяник, который в теплые апрельские дни превращается в чудесную «Голубую страну». Там раньше всего просыпается жизнь и звучат птичьи голоса. Тема малой родины приобретает дополнительные краски в автобиографической повести «Солнышко в березах» (1965). Детство городского мальчика, выросшего в старинной Мельковской (в повести — Основинской) сло-

Н. Г. Никонов